

**КЛИМАТ И ПРИРОДА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ
«СИБИРСКОГО ТЕКСТА» В. П. АСТАФЬЕВА**

Шумкина Е.Н.

Научный руководитель – д. филол. н., доцент Анисимов К.В.

Сибирский федеральный университет

Одной из неотъемлемых составляющих понятия «сибирского текста» является тема климата. Климат – важная культурологическая и литературоведческая составляющая любого художественного текста, как правило, тесно сплетенная с пейзажем. Климат зачастую является основной категорией, влияющей на выстраивание образа некой местности или образа-символа целого государства.

О проблемах значимости климата в художественных текстах говорят К. А. Богданов («...разговоры о погоде предстают как стремление говорить о вещах, которые в большей или меньшей степени *не зависят* от человека») и Е. К. Никанорова, которая, исследуя составляющие российской государственности, обращает внимание на то, что мороз (наиболее часто повторяющийся мотив по отношению к России, а тем более к Сибири) относится к числу образных мотивов.

В одной из работ К. В. Анисимова прослежены истоки и эволюция понятий сибирского климата и Сибири. К. В. Анисимов отмечает, что восприятие Сибири как территории холодной, жесткой, непроходимой начинается вовсе не с Есиповской летописи 1636 г. и записей протопопа Аввакума, где жестокая природа лишь средство пытки, также имеющее властные корни. «Суровый лик» сибирской природы становится закономерным уже позднее (Григорий Новицкий) и имеет под собой цивилизационно-культурное значение (цивилизация убывает по мере движения на север). Эпоха романтизма присовокупляет оценку Сибири как каторжного места, ада, однако начинает описывать Сибирь более «теплыми» красками. К. В. Анисимов обращает внимание на то, что именно в XIX веке «на языке изящной словесности (повести, романа, исторического сочинения) вдруг заговорил сам сибиряк» (Н. А. Полевой, П. А. Словцов, И. Т. Калашников, Н. С. Щукин), и климат в данном случае вновь стал поводом для дискуссий. Местные писатели попытались показать, что сибирский климат не всегда плох, зачастую идеологически противопоставляя Сибирь Петербургу.

Тема климата, покорения природы была особо близка и *соцреализму* (победа над природой, преодоление физических (биологических=природных) трудностей. В XX веке погода используется для создания светлого образа социалистической Родины, где вне зависимости от реальных погодных условий всегда тепло и зелено. Покорение природы – один из основополагающих тезисов соцреалистической модели. Как замечает Е. Добренко, в литературе социалистического реализма «...одной только человеческой волей одни растения превращаются в другие (как у академика Лысенко), а лимоны начинают расти на Севере, одним только взглядом парализуется враг, одним только волевым усилием герой избавляется от смертельных болезней, преодолевает физическую немощь (Павел Корчагин) или даже инвалидность (Мересьев)». Климат, кроме того, выполняет функции власти, дара блага или наказывая.

Тема климата в русской литературе XX века зазвучала иначе. Покорение природы, изменение климатических условий и вообще обращаемость к проблеме климата стали восприниматься не столько образно, сколько идеологически. Традиционный взгляд на территорию, как на зону господства определенного климата

со всеми вытекающими последствиями, стал претерпевать изменения, в частности в произведениях В. П. Астафьева.

Осмысление климата в творчестве В. П. Астафьева осуществляется в нескольких семиотических и идеологических аспектах. Во-первых, автор, часто прибегая к описаниям климатических особенностей края, опирается на традиционную точку зрения, подчеркивая «вымороженность» сибирского региона. Однако, весна/лето/осень/зима для писателя – это скорее контекст некоего действия и зарисовка характеристики героя, нежели сибирского края, как географической зоны, это орудие и арена борьбы за жизнь. В идеологическом отношении астафьевская Сибирь часто нестабильна – предстает некоей обетованной землей, с одной стороны, но и адом, проклятым местом, с другой. Во-вторых, природа у В. П. Астафьева – отдельно действующий субъект, обладающий своими функциями, законами и правами. Природа В. П. Астафьева, в противовес соцреалистическим замыслам, не может быть покорена, но призвана существовать наравне с другими живыми тварями (типа человека). В-третьих, Сибирь и Север Сибири – две смысловых и географических зоны автора, понятия как глубоко родственные, так и глубоко различные.

В. П. Астафьев, памятуя о сибирском холоде, беспрестанно подчеркивает уникальность сибирской земли. Восторженные описания природы, удивительных животных, богатых рек и озер встречаются в текстах писателя сплошь и рядом.

А вы видели русский лес, после долгого зноя умытый, спокойный, причесанный? ...Лес не шевелится, но переливается тенями, цветами. Мягко бродит по нему робкий ветерок и с шорохом осыпает капли наземь. А лес то ярко зеленеет, то снова замрет, то будто испугается того, что забыл он о скромности и выказал миру свою красоту... (I; 469–470).

Изобильная река: «Втроем едва выволокли артельщики сеть из воды: нельмы, чирьи, суги, щуки зубатые – все рыба отборная», «На озере попалась жиром истекающая, толстоспинная пелядь и много сорной рыбешки» (VI; 21).

Мудрая природа: «Отчего же тогда еще в сумерках повернулись колосья в ту сторону, откуда вслед за теплом пришли зарницы? И отчего разом так мудро поседели хлебные поля, а кустарники будто отдвинулись, давая простор им, не мешая совершаться какому-то, хлебом лишь ведомому, обряду?» (VII; 14).

Природа у Астафьева имеет весьма необычный статус, *она занимает место главного действующего лица*. Согласимся с Л. Г. Кимом, который пишет, что у В. П. Астафьева «самый главный персонаж – Природа – живая, дышащая, внимающая. Природа – не фон, не место, где разворачиваются события, складываются и разрушаются человеческие судьбы, а скорее наоборот, Природа – главный участник действия – определяет образ жизни, привычки, мировоззрение людей». Астафьев не случайно упирает на то, что сибирская природа многокомпонентна, включает в себя все естественные слагаемые ландшафта: реки, озера, море, равнины, скалы, горы, бескрайнее небо, лес, тундру, тайгу, богатую землю, различных животных. Единственные непреложные законы бытия – законы природы, жестокие и неумолимые, но неизменные и справедливые ко всему живому. Идея покорения природы чужда Астафьеву. Человек может покорить только человека. Природный мир – сам по себе, его можно только уничтожить или повредить (загрязнение рек, ГЭС и пр.), но изменить заповеди жизни живого самостоятельного мира не под силу человеку. Отсюда можно предположить, что проза Астафьева скорее не экологическая, т. к. экология предполагает в центре всего человека, который заботится или не заботится об

окружающем мире, а *онтологическая*, бытийная, потому что человек и природа у Астафьева равны.

Проблему природы в произведениях В. П. Астафьева затрагивали множество исследователей, а именно З. Матыгушова, Р. Ю. Сатымова, Ю. М. Кравченко, А. Ю. Большакова, В. К. Размахнина, П. А. Гончаров, Л. Н. Ртищева, Н. С. Цветова, Е. Н. Викторук, Т. Л. Рыбальченко, Е. М. Букаты и др. Натурфилософской прозу В. П. Астафьева считают такие ученые, как В. Н. Максимов, А. И. Смирнова, Л. К. Максимова, Л. И. Василенко, А. Г. Кондратьев, В. К. Размахнина. Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий называют прозу В. П. Астафьева «натуралистическим сентиментализмом».

Тема онтологической прозы зарождается в русском литературоведении еще в связи с И. А. Буниным. О. В. Сливичская пишет о человеке в прозе Бунина следующее: «Космос не только противостоит человеку, но и входит в него как огромное целое, наделяя его безмерной силой жизненности. Этим преодолевается и хрупкость человека, и его эгоцентризм, и его безмерное одиночество». У В. П. Астафьева можно наблюдать похожий взгляд на мир: если человек слит с природой, близок ей, живет и умирает по ее законам, – он праведен. Человек – не центр мироздания. Антропоцентризм уступает место онтологизму. О близости мироощущения И. А. Бунина и В. П. Астафьева писали Г. М. Шленская и П. А. Гончаров.

Человек и природа у В. П. Астафьева – это части мира, которые должны жить и умирать в единении, исполняя законы бытия: справедливости, милосердия и «закон джунглей»: «Утонул, заблудился, ушел ли неведомый тот Гога, а искать его изволь – таков закон *тайги*, искать в надежде, что человек не пропал, ждет выручку, нуждается в помощи» (VI; 322). Мотив покорения природы у Астафьева – это мотив разрушения вечной мощи сибирской первозданной природы, которая выступает независимой территорией, борется за свою независимость (холодом, голодом, гнусом), но варвар-человек хочет если не извлечь выгоды, то уничтожить силу и красоту. Сибиряк Астафьева – такой же пришелец, как и прочие. Но симпатичные писателю герои (например, Аким) умеют уважать закон аборигена – природы Сибири.

Самодостаточность, независимость, отлаженность и честность делают сибирскую природу не только главным действующим лицом Астафьева, но, пожалуй, *единственным положительным героем*. Климат же выступает главным орудием борьбы за жизнь (человека против пороков, природы против человека). Преодолевая холод, герой Астафьева получает в награду жизнь, новый статус, благосостояние или отпущение греха.

Однако центральная Сибирь, – вполне пригодный для жизни регион, а собственно холод появляется зачастую только в тех произведениях, где речь идет о Севере. Север – регион особенный, это местность, где расположены районы вечной мерзлоты. Астафьев, акцентируя на северности некоторых пейзажей в своих произведениях, видимо, все же не делает большого различия между Сибирью Центральной и собственно Севером, воспринимая Сибирь как целостность, как обширную территорию, вбирающую в себя и Север. А. И. Разуvalова пишет, что «в художественной системе Астафьева Сибирь и север – понятия глубоко родственные, но не тождественные. Север для писателя – особый способ существования в мире, порождающий свой тип сознания и поведения. В этом смысле и Сибирь, и Заполярье, и Вологодчина – север. Однако север как обозначение Заполярья – это часть “сибирского материка”». Север – иницирующий элемент художественного аппарата Астафьева. Однако повествование писателя зачастую сформировано так, что тексты о Сибири и Заполярье воспринимаются как единое целое, отсюда возникает ощущение непереносимого и всепронизывающего сибирского холода.